

Н. Н. Зарубина

Повседневность в модернизационном дискурсе современной России

1. Повседневность это процесс жизнедеятельности индивидов, который разворачивается в общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий [2, с. 3]. Чем более устойчивой является повседневность, тем более устойчиво и жизнеспособно общество, тем менее травматично протекают в нем разного рода трансформации, поскольку повседневность позволяет «сохранять в изменениях неизменность, а неизменность делать формой изменений» [1, с. 268].

2. Под дискурсом мы, на основании концепции М. Фуко, будем понимать социально и культурно обусловленные правила и практики, по которым образуются знания, актуализируемые как управленческие и властные модели. Модернизационный дискурс это сложившиеся в современной России структуры модернизационных практик власти, на основе распространения которых реализуется политика модернизации. Анализ места повседневности в модернизационном дискурсе раскрывает важнейшие факторы нестабильности современной России.

3. Проблема современных российских преобразований, включая «перестройку» и рыночные реформы 90-х гг. XX в., состоит в отсутствии устойчивого повседневного уровня бытия, на котором преобразования могут закрепляться в стабильных, органичных структурах. Возникающая при этом культурная травма состоит не столько в сопровождающих трансформации и модернизации потерях в экономике, бытовых неурядицах и т.п., сколько в необходимости каждый раз переопределять практически все структуры повседневного бытия, содержание социальных ролей, правила действий, стереотипные интерпретации и оценки. Все известные в истории России модернизационные преобразования основывались на символическом насилии в отношении «традиционности» в любых ее проявлениях, начиная с экономических и властных институтов и кончая типичными повседневными практиками. Все это приводило к подрыву повседневности, которая из сферы стабильности превращается в зону риска и дискомфорта.

4. Современный модернизационный дискурс по-прежнему пренебрегает необходимостью сохранения основ повседневной жизни, ориентирует властные структуры на волюнтаристический слом основ повседневности как чего-то «незначимого» в пользу масштабных стратегий («шоковая терапия») или ситуативно ориентированных изменений («вы-

рубка Химкинского леса»). За постперестроечные годы так и не произошло смены модернизационного дискурса с бинарного, основанного на тотальной отрицании сложившихся принципов организации, на тернарный, предполагающий структурные трансформации при сохранении зон стабильности.

5. Особенность нынешней модернизации России состоит в том, что она совпадает с глобализацией, распространением стандартов общества потребления, становлением информационного общества и появлением социокультурных признаков постмодерна. Эти трансформации, в отличие от модернизации, являются не направленными и прогрессивными, а, напротив, нелинейными, непреднамеренными и лишенными устойчивого вектора. Они порождают новые риски для повседневности, усиливающие нестабильность в обществе. Постоянные изменения, мобильность и динамичность навязываются обществу в качестве атрибута современности, а приверженность устоявшимся образцам интерпретируется как признак консервативности или даже «отсталости» независимо от эффективности функционирования этих образцов. Конструктивные практики управления этой новой нестабильностью отсутствуют в российском модернизационном дискурсе.

Список литературы

1. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992.
2. Российская повседневность в условиях кризиса / под ред. Горшкова М.К., Тихоновой Н.Е. М.: Альфа-М, 2009.